

МАКСИМ БОРОДИН
2013/ книга стихов

НЕНОВЫЙ МОСТ

ББК 84Р7-5
Б 52

Бородин М.А.
2013. Книга стихов: Издательство «неНовый мост»,
2014 - 106 с.

ISBN 978-0-8021-1827-7

© Бородин М.А. 2013. Книга стихов, 2014
© Издательство «неНовый мост», 2014
© Анна Хитрова, графика, 2014
© Наталия Черных, предисловие, 2014
© Олесь Бар лиг, послесловие, 2014

Наталья Черных

О СТИХАХ

Есть два варианта рассказа об этих стихах. Первый - простой, даже элементарный: один из самых интересных на мой взгляд русскоязычных поэтов Украины, поэт-протей, как назвала его критика, умеющий в стихосложении очень многое и, кажется, не придающий этому мастерству особенного значения. Поэт-эстет, которому уникальный украинский язык только помогает - нежная певучая линза - рассмотреть оттенки, русскому не всегда заметные. Поэт строгий и вместе с тем провоцирующий - как же, эти ужасные "верлибры", будто их мало написано! Поэт продвинутый, как сказали бы в сети - в его стихах встречаются философы тех, кого почитают основными философами современности. Поэт двадцать первого века, прекрасно усвоивший уроки стихосложения двадцатого.

От себя могу сказать, что в стихах Максима Бородина мне видятся усвоенные опыты Лианозовцев (конечно, Всеволода Некрасова!) и не имеющего отношения к Лианозовцам, но очень любимого мною Геннадия Айги. В скобках замечу, что называть Геннадия Айги любимым поэтом и даже учителем (что и сделал Бородин) - есть очень многим поэтам критикам, которые считают Айги едва ли не шарлатаном.

Для современной русской поэзии Максим Бородин поэт даже схоластичный - с этим его неторопливым и вместе удерживающим напряжение свободным стихом (ибо Максим Бородин действительно пишет свободным стихом). Но если всё написанной мной стереть, и снова приступить к чтению стихов, откроется нечто совсем другое, и для меня гораздо более любопытное: второй способ.

В жажде величия поэт часто забывает о сверхценности минорных интонаций, из которых и вырастает великое - "каждая малость жила, и, не ставя меня ни во что, в прощальном значенье своем подымалась". Поэт бывает слишком занят, даже заблокирован "глобальными" вещами, которые в общем-то не нужны - по причине недолговечности. Но магнетизм маленького тепла, частных, - слишком велик и он, в конце концов, побеждает "глобальное". Оттого такая симпатия к лиричным стихам в московском литературном сообществе (и не только). Редко когда

возникает гармония (какое старое милое слово!) в движении маленьких вещей к великим, без кавычек. Стихи Максима Бородина показались при первом чтении, да и сейчас - безупречными в гармонии. В отрицательном смысле их можно сравнить с дистиллированной водой: ни вкуса, ни запаха. Но это случай находки канистры с такой водой в пустыне. Вода тепловатая, но её много и на время можно утолить жажду. И потом, мне кажется, нынешний читатель поэзии - как бедуин, он не станет думать, это вода из арыка или из радиатора автомобиля.

Эти стихи вызывают и мгновенное согласие, и мгновенное отторжение. Отторжение - как так можно писать об отношениях человека и Бога, как отношениях человека и человека? Или наоборот: что за религиозность, религиозность в этих стихах - лишнее. Мгновенное согласие невозможно отрефлексировать, оно с ужасающей скоростью идёт впереди всего чувственного космоса. При чтении возникает ощущение высоких строений, похожих на далёкие скалы, витых тяжёлых оград и буйных садов за ними. То есть, барокко. Но ведь строки стихотворений короткие, пульсирующие, ясные, в них тяжёлого барочного равновесия нет и в помине. Нет метафоры и аллегории, свойственной барокко (может быть, это в высшей степени интимное Ты - как аллегория или метафора, но в этих стихах всё от жара слиплось).

*говорят
что Ты создал меня по своему подобию
и тело мне дано
чтобы прощать тех
кто не видел мою душу
или нет
объясни
Ты создал меня во мне
и вручил мне ключи от всех дверей
забыв сообщить только лишь о том
что дверей нет*

"Ты" в стихах у Максима Бородина - всегда загадка. Сознание новоначального в вере и совершенного – похожи: ранящей мир непосредственностью восприятия; но конечно они совершенно разные в уровне понимания и по глубине. "Ты" в стихах Максима Бородина оказывается в той крохотной

области, в которой и обитают эти ранящие всё человеческое чистота и непосредственность - только что открывшего мир веры и опытного в нём. Человек стыдлив и застенчив. Максим Бородин показывает, что так и есть - и насколько так. И вот это "Ты" беспокоит, прячется камешком под стелькой обуви, как лучик в глаза, и так получается (надо обладать смелостью, чтобы показать это в поэзии)- что это "Ты" заставляет подумать о... Христе. О Богочеловеке. Но так ли это у Максима Бородина? "Ты" - это может быть и таинственная Любовь, могущественная и безликая. Это может быть - всего лишь! - любимый человек, в котором все - огромно, о котором нельзя писать со строчной буквы. Впрочем, лучше вернуться к минору. Мне слышится в стихах Максима Бородина тонкая дудочка Блаженного Августина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

пора что-то решать
дело даже не во мне и не в Тебе
дело в нас с Тобой
страх приобретая
словно крылья
боюсь сказать
что-то
что может материализоваться
я знаю
что Ты слышишь всё
что я говорю и пишу
но как я могу знать
что Ты считаешь нужным воплотить в мою жизнь
молитвы мои
или вскользь сказанное мной
стихи мои
или молчание моё
Ты мой верный слушатель
сон
ведомый мною
явь
которая окружает меня
ничего не значит без моих слов и без Тебя
значит ли это
что страх мой доходит до Тебя
и Ты сам боишься навредить мне исполнением всего
и что мне сказать Тебе еще
кроме того
что Ты уже знаешь и сам
и любишь во мне

* * *

всего не простишь
всех не забудешь
надо кого-то оставить
чтобы с Тобой отправить в горы
за первым дождем
я буду ждать каждое утро
Твоего возвращения
словно ребенок оставленный на попечение книг и
теней
расскажи
как там в горах спасается моя душа
и что в ней происходит помимо того
что происходит во мне
говорят
что Ты создал меня по своему подобию
и тело мне дано
чтобы прощать тех
кто не видел мою душу
или нет
объясни
Ты создал меня во мне
и вручил мне ключи от всех дверей
забыв сообщить только лишь о том
что дверей нет
как нет и Тебя во мне
потому что зачем искать то
что уже есть
в Тебе

* * *

я спрашиваю у темноты
имею ли я право просить у Тебя
или право мне выдано
уже при рождении молчанием Твоим
и молчание ли все это
наш разговор никогда не начинался
и не прекращался
нитью бегущей по краю
сон мой лёгок подобно слову Твоему
мы с Тобой часть моего мира
и чудо
о котором я прошу у Тебя
даже не чудо вовсе
а данность
которая уже существует
помимо воли моей и Твоей
ведь как по-другому можно назвать то
что не зависит
ни от чего
кроме того
что не существует нигде
кроме моей души

* * *

беседы с Тобой вроде бы ничего не значащий акт
то ли самоуничтожения
то ли приобщения к еще непонятому
но уже увиденному
разговариваешь словно с самим собой
и радуется уже то
что я сам могу подобрать слова за Тебя
молчащего
тонкого
понимая всю нелепость величия и падения Твоего
что само по себе уже
есть молитва
и любовь
к тому
что происходит со мной
независимо от того
есть ли Ты во мне
или я в Тебе

* * *

все чувства суть мира
и мир есть чувство
Ты дал мне их
или они дали мне Тебя
уже не важно
сейчас
потом
важно лишь то
что важно
не более и не менее
если сейчас важен Ты
значит тому и быть
если сейчас важен я
значит чувства мои равны миру
как Ты равен
тому чувству
которое возникает во мне
при мысли о Тебе

* * *

даже если душа
всего лишь страница твоего блокнота
и цифры в конце обозначают совсем не то
что обозначают цифры в начале
и вырванные страницы
уже не обозначают ничего

даже если тело твое
всего лишь телефонный номер
единственный
из всех
которые я не забыл
потому что не знал никогда

даже если голос твой
всё
что осталось мне написать
на всех этих вырванных страницах
не упустив ничего

даже тогда я не перестану любить себя

* * *

уюду в Италию
уюду жить в каком-нибудь маленьком селении на
севере
ругать правительство и сицилийскую мафию
и постепенно забуду как ты прекрасна
в своём итальянском свитере
а потом я умру
и всё закончится
горы в полуденном солнце
виноградники мятные
словно конфеты
женщины с сухими губами
облака
целующиеся с Богом
и только ты
только ты
еще не успеешь забытья во мне
и мне придется
даже там
постоянно вспоминать
что я еще не успел забыть о тебе
серые глаза
бабочки
тату
что я еще не успел забыть

* * *

депрессию лечу депрессией
одиночество одиночеством
разговариваю со всеми
до кого могу достучаться внутри себя
только с тобой не спорю
не говорю
потому что еще надеюсь на встречу
и к этому есть все предпосылки
ну вот
взять
хотя бы
ту же самую
депрессию

* * *

тоже мне
тождество
равенство
навязанное нам
а если не привязываться
к двум сторонам
без равенства
математического
жить легче
суммируешь
отнимаешь
даёшь
бежишь
потому что
равенство подразумевает
окончание
задаче
где чаще всего
ответ не сходится
с тем
который навязан

* * *

все поэты отчаянные вруны
расписываются в отчаянии
не понимая сути
по сути они эвакуированные дети
едущие в составе
называемом смертью
даже чая не разносят
какой чай на войне
дети бегают
дерутся
ведутся на ввали
на драмы
что-то доказывая себе и другим
глупо все это
поэту доказывать
показывать
рвать и кричать
им бы остановиться понять
поезд уже в пути
а они врут без устали
без просыха
без отдыха
чего не знают
придумывают
все поэты отчаянные вруны
руны
раны
и всякая ерунда
возводится ими до ранга Христа
любая верста
становится последней
и так от стихотворения к стихотворению
не отступая ни на йоту
врут
как ввали Иуда и Брут
тоже мне поэты эпохи накопления капитала
все поэты переодетые дети

оставшиеся за линией фронта
а эвакуировались взрослые
рослые и сильные
а зачем им умирать раньше срока
вот вопрос
который гложет Заратустру
и еще
пару мессий
рангом поменьше

* * *

если не можешь писать
просто выкинь из головы
как выкидывают книгу Хемингуэя
из окна седьмого этажа
пока она долетит до земли
пройдет целая эпоха
император Японии
синтоиские сны
и семь миллионов богов
если не можешь жить
просто выкинь из головы
и начинай считать с начала

* * *

все банды заканчивают одинаково
все поэты пишут одно и тоже
эксплуатируя образ
то ли смерти
то ли жизни
никогда не понять
что они имели в виду
пока тебя не переедет любовь
стотонным грузовиком
и ты пытаешься отыскать на небе
хлебную точку
соленую родинку
улыбку
локон
мерные веса пустоты
все сны заканчиваются одинаково
все в письмах пишут одно и тоже
никогда не понять
что ты имеешь в виду
то ли жизнь
то ли смерть
то ли еще что-то
о чём поэты всегда умалчивают
потому что дали подписку о неразглашении
смысла всего сущего

* * *

ты говорила свобода
ты говорила июнь
ты говорила приезжай
что ты только не говорила
тысячи слов
тысячи фраз
тысячи пауз
у серого тысячи оттенков
от фиолетового до желтого
у твоих эмоций тысячи штрихов
словно у рисунка Матисса
у твоих знакомых тысяча тебя
только у меня
никого
кроме
себя

* * *

мне снится Мисима
его голова
японская
словно воздух в Токио
его слова никогда не были острыми в моих руках
его острова
держали меня на плаву
словно лист водяной лилии
никогда не делай того
что нарушает твою внутреннюю суть
никогда не подчиняйся тем
кто хочет тебя изменить
ты гора
обращенная внутрь себя
потому что вселенная
никогда не простит того
что она сделала с собой
в твоём воображении

* * *

иллюзии Будды
дымы над рекой
сталкиваясь с птицами
падают на твои плечи
если у тебя волосы длиной с твоё же дыхание
ты можешь спрятаться в них
и Будда тебя не найдет
он пройдет под мостом
кинув камешек в звенящее эхо
и уйдет в себя
как уходят в песок ступни ног
ты можешь от него спрятаться
он
не может спрятаться от тебя
ему страшно
ему трудно
и не дымы парящие словно автоматические
стеклянные двери супермаркета
тому причина
причина тому
твое нежелание верить в то
что он не может не видеть тебя
даже если ты удержишь свое дыхание
навсегда

* * *

смерть была уже тогда
когда еще не было жизни
не было дыхания
биения
моря
тишины
поэзии
ведь если смерть точка в этой
бесконечной ленте Мёбиуса
то точка более похожа на начало
нежели весь этот клубок
запутанный неизвестно кем
мы раз за разом проходим эту точку
во сне ли наяву
поэзия не могла появиться на свет без жизни
но смерть сделала поэзию поэзией
тишину тишиной
море морем
любовь любовью
смерть была уже тогда
когда еще не было смерти
и мы были
беззащитны
как никогда

* * *

папа Франциск
мама районная библиотека
всё что нужно
умещается в голове
и раскрытых ладонях
ослепительных
если смотреть на солнце
бесполезно взывать к темноте и мраку
если ангелы суть твоя и тайна
ничего не бойся
ты человечек нарисованный на стене
и не важно
что рядом приписаны неприличные слова
кто только не пишет на стенах
но никто еще не написал в твоём сердце
кроме тебя самого
храни его в себе
сын своего отца

* * *

верхушки деревьев уже достают до подоконника
выросшие
половинки того
что есть
или того
что нет
не так уж и много прошло времени
порой я склонен считать
что это знак
кто-то всегда стучит в окно
даже если никого не ждешь
даже если никого нет за окном
и слушаешь и ничего не понимаешь
ведь дом всегда необъясним
словно книга стихов
комментарии сна укладываются в четыре страницы
и верхушки деревьев
подобны государственной границе
между теми и этими каплями
занесенными летней грозой на подоконник
вот вытираешь ладонью влагу
и смотришь
как высыхает окно
как будто
там кто-то есть
тоже

* * *

ночь приходит по почте
распечатанной
мокрой
с блеклым штампом на сером конверте сумерек
констатирующим факт повреждения при
транспортировке
и не понятно
небрежность
умысел
или судьба
содержание неизвестно
в наличии
прочитано
удалено цензурой
вариантов много
как много листьев в темноте
даже в пустыне
шумит
не прочесть его
ночь
начинается задолго до моего рождения
потому что все письма
уже написаны и отправлены
только выдаются по мере
моего взросления

я так и не позвонил ему
спрятался за сомнениями
как прячутся дети за прозрачными гардинами
как прячутся гардины
за окнами домов
я так и не позвонил ему
хотя вот он
номер телефона был
поэта
который был больше чем поэт
был меньше чем поэт
значит был
значит есть
это ли не суть его жизни
быть не тем
чем тебя видят другие
быть неуловимым
словно движение воздуха в углах комнаты
ты то
что я представляю себе
когда сомневаюсь в том
что ты существуешь

* * *

и смерти нет
и жизни нет
есть только невидимая грань
разделяющая их в нашем воображении
даже не стекло
полиэтилен
между тем и этим миром
словно тебя несут из супермаркета неизвестно куда
и ты смотришь сквозь дымку этой зыбкой границы
и думаешь обо всем сразу
о людях в очереди
о холоде в мясном отделе
о запахе в хлебном
о декольте молоденькой кассирши
о слепящем солнце на выходе
а тебя всё несут и несут
и ты уже начинаешь привыкать к этому пространству
к своим соседям
и к этому зыбкому чувству
что всё когда-нибудь закончится
даже если
никогда не начиналось

отпевание будет в среду
сразу всех
и грех твой
не твой грех
если он не записан в книге его
читаешь
словно пьешь воду
глотками
похожими на утро
троецарствие
троелюбие
троестрашие
ангелы словно школьники
любят шумные перемены
когда можно покурить на заднем дворе
и обсудить возможность невозможного
и даже любовь бесстрашна
потому что любовь
а не то
что хотят от тебя твои учителя
женщины
и боги
отпевание будет в августе
тёплом
талом
троецарствию его стихов
зачитанных до дыр
черных
словно вода в Неве
веришь или нет
уже не так важно
как важно то
что верят в тебя

* * *

и во лжи
живешь
можешь и жить во лжи
лишние рты ртутные столбики слабости
дождь не обманешь
бывает возьмешь голос и сыплешь с тоски на тоску
воздух ешь
собираешь
теряешь
но прѣшься вперед
ибо суть такова
что без лжи не бывает ни Бога ни сна
только ересь одна
да любовь
без которой тебя забываю
и во лжи разбредаюсь в себе
потому что ни то и не сѣ
потому что не всё
что горит
меня согревает

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

* * *

пишешь всякую ересь в своих дневниках
путаешь правое с правым
и левое с левым
спишь ногами вперед
и любишь только её
несмотря ни на что
и на то
что тебе говорят
и на то
что ты пьёшь из неё
серых глаз суета
даже если не та
я ведь знаю
что ты засыпаешь с моими стихами
потому что
ничто
не калечит тебя
лучше этих стихов

* * *

ночь
резервация ушедших народов
все выходят на площадь
и воздевая руки к небу
восклицают «а Боги кто»
никто не отрицает реальности
но все верят в кощунство
свергают
плачут
поют
ночь листьев наследство
и голод волос
все устремляют взоры к небу
и слёз золото дороже садов Вавилона
проданных северным племенам
ночь предательство
ладони
плечи
уста
а Боги кто
шепнёт на ухо
и улыбнется

* * *

все мы умираем
даже враги
даже поэты врагов
цветок лотоса самый тяжелый цветок в мире
и воздух выдыхаемый
словно тетива
разве не слова молитвы летят дальше
ты можешь всё
если поймешь
что ты принадлежишь чему-то большему
чем эта жизнь
течению реки
камню
стоящему на пути
химической реакции в твоей подкорке
дрожанию листьев сакуры
в саду за домом

* * *

непонимаемое
внимание
подобно легкому свечению
распространяемому горячей книгой
Эмили Дикинсон
опять баловство со спичками
освещаю
подсвечиваю
плачущий
словно спутник в небе над Алабамой
путь
религиозные отступления
математические вычисления
и мат
под патронатом ангела Сэра Бенджамина
будь-то во сне
или в любви
вот так вот
и начинается магия поэзии
словно весна
снизу одни звезды
и только сверху
что-то ещё

* * *

есть лица
непроходящие
закружится
затянется
смотришь во все глаза
и не отвести
меня в сторону
ты необъяснимая
словно строка на санскрите
губы
нос
брови
глаза
закину время
Рима
мира
три тысячи лет строгой диеты
только твоё лицо
и не одного выдоха

* * *

дистанция с жизнью
должна составлять один взгляд
чтобы можно было
обойти стороной
забыться
заснуть
чтобы можно было умереть
если что
если кто-то переступит черту
улыбнется тебе
облака
вершины деревьев
сны
дистанция с самим собой должна быть такой
чтобы можно было любить
себя
её
их
нас
и тишину

* * *

глаза закрыты
как колодцы в степи
спишь
словно ребенок в седле
перебираешь события бытия
истончаясь подобно хлебному кружеву
ночь заносит в комнату веру в Него
и в то
что всё происходящее с тобой
не случайность
а закономерность
и даже сон измеряется тишиной
а не так всё остальное
желанием быть услышанным

* * *

эпичен поэт
который был замечен
в противоправных действиях
чувствах и снах
перемещающий стада и судьбы
словно звезды в открытом окне
эпичен
словно Гомер
выпивающий море со всеми рыбами и рыбаками
как будто можно выпить море без них
как будто можно даже не думать без них
я собираюсь с мыслями и открываю книгу своего
страха
эпос толщиной в твой волос
любимая
на каждой странице
я собираюсь жить вечно
ибо поэзия
это только сны
как будто можно выпить море без них

* * *

ты есть и тебя не существует
ты весь
и меня ты не завоеешь
ты единственная в своем роде
легкая
ломкая
липкая
душа порноактрисы
я вхожу в тебя
словно
входит нож
в сочное нутро спелой арбузной мякоти
я ищу в тебе то
что не могу найти в себе
ты дополняешь меня
как дополняет выключенная настольная лампа
кромешную тьму
как дополняет тишина тишину
жизнь на грани
между Рембо и Верленом
даже если все наврано и покрыто блеском
я вхожу в тебя
словно в ворота Бреста
входит 45 я дивизия вермахта
сплошь состоящая из поэтов и серых шинелей
кто виноват в том
что происходит
и происходит ли то
что кажется нам
любовь никогда не бывает лишней
даже если лишним бываешь ты
и твоё прошлое

* * *

ангелы снятся к дождю
дождь снится к покою
вот так и проводишь ночи
шатаясь по дождливому городу
разговаривая сам с собой
ты видишь
как загораются в фарах случайных машин Его глаза
как отзывается эхом
чей-то удивленный возглас
ангелы чаще всего тусуются в тёмных подворотнях
они защищают нас
от случайных страхов
оберегая страхи постоянные
потому что без них
не будет наших шатаний под дождем
и счастья преодоления себя
пусть даже во сне

* * *

отпусти меня под честное слово
олово или медь
не имеет значения
если ты отпускаешь
то можно и золото
хотя что я буду с ним делать
отпусти меня словно
письмо в конверт
словно сумашествие в сад Изиды
отпустила де Сада
отпусти и меня
я обещаю вернуться
олово или медь
ты любишь меня
значит я вернусь
смерть
моя

* * *

Костя Кавафис
мой сослуживец по персидскому походу
сколько мы с тобой пережили
шила в мешке не утаишь
солнце блестящее от пота и вдали полоска
стоишь вот на краю фаланги
и даже волосы дрожат от страха
ты помнишь
всегда говорил
войну начинают поэты
а завершают боги и вожди
Саша любил твои стихи
помнишь
его улыбку
танец осы
вино распятое на песке
словно тень
о империя сна
воспеваю тебя
кровь свою отдаю
помнишь Костя песни возвращения
по капле

* * *

заведомо сны
ни к чему не обязывают
это просто традиция
что-то типа дождя
лошади
локти
летающие тарелки
просто закрываешь глаза
себе и своему ангелу
и читаешь по слогам что-то
из средневековой бухгалтерии
список замков
платьев
облаков
даже губы устают
спать
в тебе

* * *

память
словно песчаная буря
выкапываешь верблюдов
засыпаешь книги
иероглифы на твоих плечах
апокрифы
псалмы
ангелы
складывая руки лодочкой
мы переплываем с тобой Нил
будь что будет
говорит твоя улыбка
и сорок тысяч воинов в нашей крови
и твой выдох
у моего сердца

* * *

оправдание есть у каждого
не у каждого есть кровь
эти белые тельца
эти красные зрачки
пустите меня внутрь
и я вам расскажу
что такое душа
смерть даже не рассматривается в нашем случае
никакой логики
космоса
звука
предназначения
влечения
одни умирают
потому что их забывают
другие никогда не умирают
потому что их никогда не знали
что во всем этом от солнца
что от земли
корни рук моих в твоей судьбе
волосы твои
держащие
я выбираю путь кокаина
самый кратчайший к твоему страху

* * *

есть только рассыпанные
развязанные
колумбийские
связные
между тем и этим светом
между мной и тобой
мы никого не имеем право осуждать
даже себя

* * *

ты опять пришел пьяным
пошатываясь
поскрипывая
подтаивая
мой маленький Гаутама
осень
словно вирусная инфекция
когда предыдущая ночь почти касается следующей
и остается только
принять всё это
ты опять пришел веселым
мой Будда
принес бутылку греческой настойки
улыбку
и шум
ты знаешь
я почти поверил в то
что счастье существует
мой маленький принц
убийца
Иуда
на большее ты не способен

* * *

кофейные зерна
гетеры и сны
царь Дарий и завоевание Америки
меня опять укачивает в седле
говоришь ты мне
наклонившись к моему плечу
улыбаешься
и безумство уже проскальзывает
словно караван в игольное ушко
мне нечем крыть твои карты
Экклезиаст
кофейные зерна
строчка Сафо
я последний раз целую тебя в губы
Александрия
и всё
что только можно придумать

* * *

начинались бури
пыльные и пустые
Иисус сказал
«мне кажется бессмысленно отталкивать солнце от
земли
вот как вы все видите
взяли и оттолкнули
бессмысленно
дико
глупо»
он прав
как бы несвязно всё это не звучало
всё в этом мире всего лишь от этого мира
начинались пыльные бури
Иисус сказал
«бедные губы твои
любимая»
как он прав
был

* * *

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ВОДЫ
И КОГДА НАМОКШИЕ И СМЕЮЩИЕСЯ
ВОТ КАЖЕТСЯ ВСПОМНИТЬ НАДО
СЛОВО
КОТОРОЕ ЗНАЛ СТО ЛЕТ
МЫ ВХОДИМ В ВОЗДУХ
И КАЖДОЕ МГНОВЕНИЕ
ПЕРЕДАЕТСЯ
СЛОВНО ЧТО-ТО ЕСТЬ ВЫШЕ НАС
И КОГДА НАМОКШИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ
СЛОВО
КОТОРОЕ ЗНАЛИ ТЫСЯЧУ ЛЕТ
И НИКОМУ
ЕЩЕ НИЧЕГО НЕ СКАЗАНО

* * *

Иисус договорился с осенью
если листья сужаются к низу
и волосы волосы тоже
ты говорившая
что мир надо воспринимать сквозь призму желаний
что есть на самом деле
тело твоё
псалом сто сорок третий
словно губы в меду
и не важно
остра ли бритва
которой ты вскрываешь окно
заклеенное на зиму

* * *

я не знаю почему
Иисус забыл у меня свои чётки
заходил вчера
пил чай на кухне
и смотрел чётко
гладил по шерстке тишину
играл на гитаре
и забыл у меня чётки
может это что-то обозначает
тайное мистическое начало
а может и ничего
рядовое событие
Иисус сказал на прощание
любовь словно презумпция невиновности
и улыбнулся в дверях
прикрывая двери
вера или не вера
что значит его приход
а может важнее его уход
он сказал
он что-то должен был сказать
и при этом забыл чётки
щелкает мысль
чётко
словно дверной замок
и не понятно
то ли открывается он
то ли опять
он забыл чётки

* * *

упрекать ли Будду
в том
что он не дотянул до точки
или точка
это что-то противное его натуре
скорее облако текста
без знаков препинания
опять же
зачем упрекать Будду
если Будда сам по себе даже не слово
окончание слова
которое еще не расшифровано
перенос строки
и всех сроков сразу
на неопределенное время
за горизонт сознания
зачем упрекать Будду
если текст пишет не он
а мы с вами
Будда символ
вбиваемый в случайном порядке
даже не точка
край белой пустыни
зачем упрекать Будду
если не видно смысла за поиском смысла
точка в начале слова
все расставляет по своим местам
даже если места уже заняты
чем-то иным

* * *

когда перестаёшь хотеть
лететь бы
битым стеклом наполнив
я знаю
в моих руках течет кровь
кривая
словно газовая труба
выпутываясь из желания
смешивая губы
словно отпетые ангелы
думаешь
что всё сбудется
а на самом деле
всё хочется
что в лоб
что по венам
Иллинойса облако
начинаю понимать о чем пелось в песне
которую мне пела мама
на моё столетие

* * *

я слушаю музыку по ночам
до одурения
до потери
самого понятия
снятия с креста
воскресения
музыка словно доза обезболивающего
данная Христу
перед его распятием
я каждую ночь
заслушиваю свои сомнения
музыкой из сети
вселенная
милосердна
и как-то проходит легче
боль от уколов
от дождевых капель
и от укоров
ангелов и демонов
сидящих на моих плечах
музыка по ночам
необходимый атрибут существования
без самого
существования

* * *

меня учат жить
жестoko так
не дают красок
раскрасок и цветoвых фильтров
говорят
выкинь всё из головы
и я выкидываю
пытаюсь приспособиться
примоститься на краю своего самосознания
знание ложь
если душа зажата между прошлым и будущим
меня учат ждать
говорят
дожди это временно
слякоть и плоскости вымытые до блеска
холод только до понедельника
запрись
закройся
закутайся
твое место в цепочке эволюции
пищевой цепочке
ты обязан быть съеденным
ими
ею
им
не учите меня быть жертвой
я не приемлю точки
поставленные в конце предложения
отвергаю и зачеркиваю запятые
знаки препинания
знаки пресмыкания
мое предложение
никогда не завершается
не учите меня умирать
пока я не научился
еще
жить

* * *

что ты представляешь из себя
когда разворачиваешься
на 360 градусов
и смотришь ему в глаза
молчишь
серьезная
словно фотография на паспорт
представляешь
берешь
смотришь
а его там нет
и никогда не было
но ты опять и опять
разворачиваешься
на 360 градусов
как будто затягиваешь петлю
на шее
у его взгляда

* * *

трактуя сны по Тарковскому
с ним или без него
так и стоишь на краю пустыни
не решаясь закричать
чтобы не спугнуть ангелов
и внутренние дороги
всего лишь внутренние дороги
в каждую веришь
каждую любишь
и всё по Тарковскому
утро
день
ночь
стены
потолки
и твоя рука
держущая мою
у Тарковского угадываешь себя
просыпаешься
счастливый
ведь ничего не остаётся
как верить
последнему сну
из всего вороха снов
утром оставшемуся на постели
ведь не известно
что там было
до тебя

* * *

объясняя ангелам
как пройти
или проехать
или забыть
ты нарываешься на укоризненные взгляды
так с ангелами не разговаривают
не ведут
укоризной
из-под ресниц
похоже на арии Баха
помнишь
про воздух
про нить
а ты всё пытаешься объяснить
им
как проехать
забыть
плыть
или можно просто молчать
объясняйся
жестами
взглядами
словно Эдвард Мунк
объясняет
почему он кричит
но потише
что бы никто не увидел
и не услышал
тебя

* * *

грехи по Иисусу
не наше право
не наша юрисдикция судить кого-либо
даже эту осень
сны
опавшие листья
у которых не хватило спичек
сжечь себя
и всё вокруг
мне нравится смотреть в это небо
что-то рассматривая в нём
чаще всего ничего не видя
его не интересуют наши слабости или достижения
он любит всех
даже тех
кого не любим мы
умные
сильные
сложные
он любит Брейвика
он любит Мунка
что ему
их грехи
что ему
их величие
осень в Осло не потому что
а вопреки всему
что предписано и не выполняется
нами

* * *

насыпая в коньяк
кокаин
или просто представляя себе
что делаешь это
или не делаешь
или не представляешь
главное совершенно в другом
говоришь ли ты «Ом»
замыкая речь
тростниковым фасадом молчания
то
что остаётся внутри важнее всего
что окружает тебя
мишуры из учений
разнообразных сект
и удобных богов
главное совершенно в другом
что ты представляешь
когда говоришь «Ом»
тому человеку
без которого всё мишура
и жара
и коньяк
и отсутствие такового

* * *

тишина – часть атмосферы
наверное
её большая часть
счастье – часть веры
и мне кажется
не самая маленькая
в темноте
высматривая с балкона
суть перерождений
и пытаюсь рассмотреть край облака
съеденный деревьями
чувствуешь
что кто-то оберегает меня
в моем личном атмосферном столбе
на котором
все кому не лень
пытаются навесить
какойнибудь ярлык
объявление о продаже
или ещё того хуже
смысл
не присущий
мне самому

* * *

Сахара
серьезная девушка
он называл её так
словно она имела для него какое то географическое
значение
Рабат
Маракеш
и тысячи маленьких поселков
сладкие словно пальцы торговцев горным медом
изгибающаяся линия
переходящая в странствие
тень
которую можно гладить словно кошку
муэдзины
облака
ангелы
Сахара
Сахара
Сахара
и ещё тысячу раз
Сахара
изъеденные временем звуки
голоса вдали
слепящее солнце
белые ладони
губы и глаза
она читала ему стихи на непонятном языке
словно проповедовала апокалипсис
как некое подобие существования
время подобно человеку
попавшему в другой мир
Маракеш
Рабат
хочется взять всё от этих красок
и звуков
а только что такое всё
как не данное нам свыше спокойствие

помноженное на таинство
я ничего не хочу сказать
никого не хочу переубеждать
Сахара
он называл её так
словно что-то значило
для него
это сухое до одурения пространство
от неба до неба
от земли
и до земли

* * *

как много воздуха
даже больше чем полагается по законам тяготения
остальные законы фикция
модели поведения
эволюция
нас притягивает не закон
а воздух
который ничто
которого нет
как может показаться на первый взгляд
хотя
вот видите
в нем есть
как минимум
первый взгляд
наши взгляды
наши слова
а это уже много
для того
чтобы что-то начать
или продолжить
несмотря на законы взаимоисключающие
но притягивающие
друг друга

* * *

у Василия Филиппова чай липовый
такой знаете едва уловимый
когда пьешь его
кажется
что ничего не понимаешь
или понимаешь
но делаешь вид
что не понимаешь
и всё происходящее
ходит по кругу
вокруг да около
человек улыбается
излучается
или кажется
что улыбается
но так
что светится всё вокруг
замечательно
у Василия Филиппова
стихи наивные
когда читаешь
кажется
что чай пьешь липовый
или не стихи
но ведь пьешь
и берёт тебя и несёт по кругу
словно листья
такие жёлтые осенние легкие
или не листья
но такие
что засыпают тебя с головой
или сами по себе засыпают
словно пух
такой знаете
как бывает внутри облака
когда оно спит
или ещё не спит

но уже улетело
и только едва уловимое чувство в тебе
ведь что-то произошло
или не произошло
но чувство то есть
вот оно
есть
и что-то было
без сомнения
в этом всё
или только с нами
происходит
хорошее

* * *

осень
огромная рыба
лежащая на асфальте
тело её
освещенное фонарями
блестящее
словно карьера Аполлинера
осень покрыта листьями и лужами
на поверхности которых
плавают те же листья
и вот
когда я иду по ночному городу
то чувствую
как эта скользкая огромная рыба
под моими ногами начинает шевелиться
и тогда я говорю ей
тихо
осень
я твой друг
и она затихает
послушная
и нежная

* * *

открытые двери
для веры
осень сидит на балконе
и курит траву
привезенную из Монголии
всё что ни делается
делается на балконе
и жизнь наша
и наши мысли
и наши слова
вера подобна винограду
взбирающемуся вверх по балконным решеткам
высматривая вдали
линии серого неба
ты дышишь осенью
как дышит осень тобой
и воздух
смешиваясь с дымом
падает вниз
заплетаясь в косы
и осень
лучшая вера на все времена
даже если
Монголия
только сон

* * *

вина сигаретного дыма
воздуха
сна
иная картина
не в том
что Мане
Гоген
Модильяни
и бабочка-граффити
кирпичной стены темнота
равноценность не зависит от стоимости
а зависит от того
что вкладывается в тебя

* * *

то весело
то месиво
то Бога не найдешь
то сам ведёшь себя по пустыне
то веришь
то плачешь
то играешь на гитаре
то даришь
то берёшь
так и тонешь во снах
как в бреде
дураки и те к чему-то стремятся
засыпая на вытянутой руке
словно на вагонной полке

* * *

море
перечеркнутых линий
ладоней
и водяных лилий
ты рисуешь меня на салфетках в кафе
похожим на собственное отражение
в мутных витринах магазинов
Модильяни пыльных столиков
и легких наркотиков
непризнанный гений
и тени и тени и тени
это такие штрихи
словно море тысячи раз зачеркнутое твоей рукой
ты рисуешь меня на холсте стены
ничего не меняя в своем воображении
потому что движение
лишнее в этом мире
искусственного освещения
Модильяни ночного кафе
философ с левого берега
где всё левое
начиная с реки и заканчивая рукой
ты всегда говоришь мне
морской прибой
запечатлённый в памяти
суть жизни
оставайся таким
словно ты
только что увидел
его в первый раз

* * *

всё
что осталось
осталось
ничего не убавишь
не прибавишь
осень необходимое состояние
для того чтобы дышать
и размахивать руками при ходьбе
даже сон
ещё не повод
бежать
жизнь намного более неожиданная часть вселенной
и счастливая
деревья за моим окном
уже сбросили все свои листья
а если спросить у них
что значит всё это
и значит ли что-то больше
нежели то
что выдумано ими же
что они ответят тебе
не важно
что всё это воздух
что вся это вода нежность
что нас не существует
и не существует листьев в наших руках
осень пограничная линия между тобой и миром
и не важно
что эта линия
занимает всю жизнь
главное во всём этом
совсем другое

* * *

закрываю глаза
это как закрываю книгу
только более осторожно
можно высыпать букв
слов
её
меня
можно высыпать из себя
себя
чувствую
надо выспаться
искупаться
ываляться в тишине
где спасение
воскресение на исходе
даже если среда на носу
закрываю глаза
становлюсь темнее
словно в туннеле идешь мимо себя
смотришь во мрак и он смотрит в тебя
страх проходит
появляется страх
вот и сейчас
если зажмуриться
если зажаться в себе
сильно-сильно
как будто теряешь самого любимого человека
то заплывают в тебя облака
или какие-то сюрреалистические картинки
разноцветные
словно бланки в банке
и вот уже сон стучится как черепаха
в коробке из-под обуви
или страха
внутри тебя
или кажется
что внутри тебя

сон спасение
если землетрясение
уже ничего не нарушает в тебе
просто трясется во мраке
гиппотамом на северном полюсе
и комната
кажется нежной
как женщина
смотрящая в тебя словно в озеро

* * *

закрываюсь в ванной
пустой и гулкой
словно бьёшься в пластиковой коробке
мотыльком
записанным двоичным кодом
прячусь
скрываюсь
даже не знаю от кого
просто закрываюсь
наверное
от самого себя
самое трудное
самое беглое
переносить себя через самого себя
это как-будто берешь на себя непосильную ношу
слушаю душу
включаю воду
система затапливает сама себя
система это то
что ты делаешь изо дня в день
тьфу
и всё остальное
доказать свое существование легко
труднее при этом не забыть
что ты существуешь
словно открываешь кингстоны и валишь
дальше и дальше от самого себя
по водопроводным трубам
тонким
что только голос просачивается наружу
музыка моя
стихи
просто думаю
временно выхожу из сети
пишу на своей ладони имя своё
так и стою до утра
выдумывая продолжение истории

* * *

империя завоевана
осень и легкие сети дворцовых звуков
сладкие деревья
расставленные по обочинам дорог
ведущим в Рим
опавшие листья
холодное вино
птицы похожие на героев Джойса
я опять отстал от своей когорты
пятый легион
с его дезертирами
с его страхом перед битвой
осень моё любимое время
любимое до дрожи в коленках
до французских поцелуев
с тобой Эмили Дикинсон
каждую осень я дезертирую с поля битвы
каждую осень
как только потянутся птицы
кавалькадой
к облакам
за ними ангелы
за ними любимые
все эти цезари
сенаторы
поэты
телеведущие
все эти награды и казни
гладиаторы
брокеры
модели
архитекторы
я дезертирую с этого театра военных действий
в себя
в свою Сахару
пыльную
серую

затканную тишиной
мятную
словно твои губы
найдите меня
если сможете
судите меня
если у вас хватит наглости
казните меня
если хотите
осенью
я дезертирую

* * *

выключай свет внутри
когда выходишь из дому
не забывай на столе ножи
и в кухне чайник на плите
сон не забывай на краешке стула
и стул не забывай на крыше своего дома
когда уходишь из него
не забывай дом
в своей голове
не забывай себя
если есть у тебя что-то
что может заполнить пустоту
не забывай выключать свет
когда выходишь из себя
ибо ангелам он не нужен
им нужен ты
какой есть
не забывай это
даже когда есть
что забыть

* * *

не рисуй на стене
рисуй на небе
белые облака
бабочки в человеческий рост
смысл происходящего иллюзорен
если ты иллюзия
я выхожу на улицу
и вдыхаю полной грудью
как вдыхает наш барабанщик свой тибетский табак
настоянный на тишине
всё что мне кажется
за исключением того
что придумываю
дым
на вершинах горы
дом на моей ладони
и ты в окне
не рисуй меня в своём воображении
даже его я придумал за тебя
твои серые глаза
иллюзия
оптический обман
загадка Фрейда
меня не обманешь
я рисую бабочку на стене твоего дома
не для того
чтобы потерять тебя
а чтобы найти себя
хотя бы в тебе
или в отсутствии тебя

* * *

Гоген сидит у моего изголовья
говорит
не плачь
сын
я куплю тебе краски
раскраски
лошади белые
облака
я куплю тебе холсты
тысячи
миллионы
неоновые вывески
виски ящиками
я куплю тебе новую жизнь
жалко
что новую
совсем новую
твоей уже не было
Таити и все остальные острова
плавающие по колено в любви
валить надо
говорит мне
мой внутренний Гоген
ослепленный тропическим солнцем
сон
застигнутый врасплох
это как-будто хлопок в ладони
хлоп
только вздрагиваешь
не спрашивайте
кто меня научил
я плохо перевариваю действительность
потому они и снятся каждую ночь
краски
раскраски
белые лошади
холсты

и ты
Поль Гоген
брат Поля Элюара
сын
Томаса Элиота
и десяти тысяч моих воображаемых друзей

* * *

у твоих смсок
запах твоих волос
голос твой
и твоя улыбки
ты не знаешь
что говорить
я не знаю
что отвечать
но у твоих смсок
запах твоих сигарет
вкус твоих губ
и всё что только
можно представить
не представляя
как это всё может быть
по иному

* * *

душа бесполезное слово
осталось бы тело
было бы понятно
пятно на солнце
магнитные бури
кубики Рубика
душа просит прощения
выпутывается из веревок
рвет связи и телефонные книги
с телом проще
словно с инструкцией по применению
даже если она написана на китайском языке
всегда можно перевести
всегда можно догадаться
душа еще не выпускаемая в серию игрушка
концепт-кар
инновационная составляющая
будущее
душа все время меняется
словно ангелы-конструкторы
создающие её
что-то пытаются донести до меня
донести меня до тебя
душа слово
которому я отдаюсь без остатка
хотя и сам не знаю
что это такое

* * *

я никогда не буду таким
как они
нимб и всё остальное
не купишь в Duty Free
вылетая ближайшим рейсом в Марокко
пусть не Марокко
но обязательно вылетая
обещаю ничего не говорить
просто быть собой
со всеми огрехами и грехами
автодромами
итальянскими ресторанами
что бы ты не говорила год назад
ледокаин уже перестал действовать
я никогда не буду таким как они
я всегда буду таким как я
чтобы я не делал
чтобы ты не хотела
может в этом и есть смысл
того
почему я не уезжаю в Марокко
пусть не в Марокко
но обязательно
не уезжая
от тебя

* * *

сосновый лес влез на пригорок
расположился у железной дороги
с одной стороны лес с другой я
я тоже влез на пригорок
остановился
посмотрел на лес изнутри
такое безвоздушное пространство
как будто воображение играет с тобой в игру
кто кого
для Него нет тайн
лес и лес
для меня тайна уже сама по себе
смотришь Он весь
состоит из сосновых веток
словно рук
сосновых шишек
воздуха
песка
и падающих иголок
колючих
словно морозный воздух
или газированная вода
даль еще не та
но что-то уже подходит
смотрит из-за спины
обнимает
говорит Он
сосновый лес с одной стороны
с другой ты
и нет пустоты
только чувство какой то ошибки в программе
самоуничтожения

* * *

мне снился Гоген
лишний ген в цепочке ДНК
его рука
его тоска
словно блошиный рынок
где продаются на вес
сочувствие и радость
где мессу заказывают те
кто перемещен
упрощен
прощен
говорит Гоген
головой покачивая
ген и все остальные мысли в его голове
вены
трубы
и голосовые связки
искусство врачебная практика
психосоматические явления
углубление
синдром Ван Гога лечится физическими
упражнениями
желтый Иисус
пароли к ангелам
и робототехника
вот ведь тайна
иррационального
что должен чувствовать человек
теряя всё
что имел
Бога
людей
е-мейл
привычную среду
тут что-то не так
дурак
с точки зрения общественного мнения

ничто
с точки зрения
здорового смысла
может Его не существовало
но этого мало
чтобы сделать
окончательные выводы
я опять засыпаю без тебя

Олесь Барлиг

КЛОД МОНЕ НАД БЕЗДНОЙ

Какое бы стихотворение Максима Бородина я не начинал читать – сквозь завалы памяти просачиваются строчки из песни «Наутилус Помпилиус»: «Я люблю тебя за то, что твое ожидание ждет того, что никогда не сможет произойти». Ведь всё, о чём пишет Максим, – это заверение в том, что его лирическому герою совсем не грустно за несбывшееся. Или наоборот – демонстрация атрибутов грусти. Какую из двух историй ни выберет читатель – его ждёт квест по нескольким магистралям одновременно. За каждой из них стоят альтернативные... хотел сказать: миры, но скажу: возможная. Примеряя их плотность на себя, перескакивая от фразы к фразе, будто белка с ветки на ветку, мы прислушиваемся к своим телам – где эта ткань «инога» легла на нас, как влитая, почувствовав с нами свою сопричастность, сочленённость. А где топорщится, торчит – и нам приходится возвращаться к строке, пробовать её вкус вновь – погружаясь в самое ценное, что есть в поэзии – распознавание «своего – чужого». Испытывать «иное» на прочность. Сдаваться ему в плен – присваивая своему миру. Или отторгать, отстаивая границы своей сердцем и мозгом возведённой Ойкумены.

Вот, лирический герой ведет разговор с «Ты». Обращает к Нему речь за речью. Мы слышим этот голос, проговариваем его в себе, расплетаем его как косу, выбирая для своей копны какую-то из прядей: «Да, да – я тоже хотел бы спросить у Него об этом», «Да, да – вот это и я хочу Ему сказать». И видя, что Он (как Ему и положено) молчит – озаряемся инсайтом, что всё не сказанное Им – это ответы на наши вопросы.

А вот лирический герой поворачивает голову и говорит уже с... назовём её не для канона и не для красивого оборота речи «прекрасной дамой». Незримая, щемящая, далёкая –практически тоже «Он», метафизическое присутствие, «ускользающее ребро». Преодолевать её, приближаться к ней позволяет лишь умозрение, речь. Оседлав протуберанцы слов вот здесь мы ныряем с головой в «светлую грусть» Тут как нельзя к месту будет вспомнить другую рок-группу «Би-2» с её «вечной призрачной, сполна изведавшей рождение и смерть в каждом мире»:

*...а потом я умру
и всё закончится
горы в полуденном солнце
виноградники мятные
словно конфеты
женщины с сухими губами
облака
целующиеся с Богом
и только ты
только ты
еще не успеешь забытья во мне
и мне придется
даже там
постоянно вспоминать
что я еще не успел забыть о тебе...*

Не прощаясь ни с «Ним», ни с «прекрасной дамой», Максим вновь поворачивает голову и, на сей раз, обращается к своей касте. Он обличает поэтов, приравнивая их к детям, фиглярам, словоблудам, врунам, не лишая их права обставаться доской Уиджа. Наслаиваясь друг на друга, все эти немислимые черты рисуют Поэта как слепого шахтёра, который может лишь на ощупь выкалывать из горных пород драгоценные камни, не имея права на их огранку. Этот Поэт всё ещё пифия, медиум, но делите его слова на трое.

А если прикрикнуть на Максима Бородина, сказать ему: «Хватит вертеть своей башкой!» (да, нам, читателем это позволено) и синхронизировать его речи, то станет ясно, что все эти стихотворения об одном ТИПЕ. О том, о чём и должна быть вся поэзия на планете – о любви и смерти, которые вцепились друг в друга мёртвой хваткой и спорят до остервенения, кто из них главней:

*...поэзия не могла появиться
на свет без жизни
но смерть сделала поэзию поэзией
тишину тишиной
море морем
любовь любовью
смерть была уже тогда
когда еще не было смерти...*

Наверное, я скажу невыносимую пошлость, но для меня Максим Бородин – это последний романтик так называемой «актуальной русской поэзии». Его стихи я называю «Клод Моне над Бездной». Вот, представьте эти краски, цветы, облака, деревья, сады, женщин, которые плывут грёзой, а под ними – тоскливый Ад, где самое большое наказание – вечное одиночество без благодати. И всё это в одном пейзаже, как бы говоря нам, что мы – лишь бычок, который качается, но идет, удерживая равновесие между маслом и водой – не давая им слиться воедино.

Ну, и согласитесь: нам ведь всем не жалко того, что так бесконечен этот путь? Потому что дорогу нам скрашивает любовь к тому, что никогда не сможет произойти.